

И.Е. Ким

Сибирский федеральный университет

Семантические сферы и языковое членение мира

Аннотация: Статья посвящена использованию в русистике понятия семантической (номинативной, денотативной) сферы. В ней рассматриваются взгляды лингвистов на количество и природу семантических сфер, а также дается классификация сфер по двум признакам: наблюдаемости реалий и их внутренней близости автору высказывания.

The paper discusses the Russian linguistic use of the concept of semantic (nominative, denotational) sphere. It considers the different points of view on the amount and nature of the semantic spheres, as well as a classification of spheres taking into account two characteristics: observability of objects and their internal proximity to the author of the text.

Ключевые слова: семантическая сфера, социальная сфера, сопричастность, семантический класс, личная сфера, самосознание.

Semantic sphere, the social sphere, the ownership, the semantic class, the personal sphere, self-consciousness.

УДК: 811.161.1: 81'37.

Контактная информация: Красноярск, пр. Свободный, 79. СФУ, кафедра русского языка. Тел. (391) 2323408. E-mail: kimkim271060@yahoo.com.

В релевантных для языкового выражения классификациях «явлений действительности» обнаруживаются два типа делений.

Деление на **семантические классы** предполагает фрагментарность, расчлененность мира. Семантические (номинативные) классы представляют собой языковую номенклатуру мира. Разные уровни языка в иерархической модели имеют дело с разным набором семантических классов.

В морфологии семантические классы определяются набором частей речи и лексико-грамматических разрядов слов. По отношению к русскому языку можно говорить о минимальном наборе семантических классов, составляющем четыре типа: предмет (вещь), свойство (качество), количество (число), процесс (действие), – соотносимых с четырьмя эталонными частями речи: существительным, прилагательным, числительным и глаголом (см.: [Ким, 1999а]).

Лексикология и словообразование имеют дело с более дробными классификациями, в которых в той или иной мере учитываются экстралингвистические факторы. Поэтому выделение тематических и лексико-семантических групп организовано на основании семантической близости, которая по сути своей является проекцией на язык внеязыковых представлений о структуре вещного мира.

Но в лингвистике используется, хотя и гораздо менее активно, еще одно деление – на **семантические сферы** – специфические области моделируемой действительности, внутри которых свойства объектов одного семантического класса принципиально различны.

Понятие о семантических сферах сформировалось сравнительно недавно. Большинство семантических лингвистических описаний натуралистичны или, по

крайней мере, индифферентны к тому, реалии какой области действительности обозначаются языковыми выражениями. Во многом это связано с идеологией лингвистики, которая оформлена в XIX – начале XX века и базируется на представлении, что семантика языка может быть выявлена из анализа сугубо языковых единиц, то есть языковых форм. Другая причина – сложная устроенность ненатуральных семантических сфер, наличие в них таких компонентов и атрибутов, которые могут быть выявлены только при нетривиальном языковом анализе, аппарат которого сформировался сравнительно недавно. Третья причина – то, что язык моделирует действительность по-другому, чем даже базирующееся на нем обыденное сознание.

Тем не менее большое количество языковых фактов и наблюдений над ними приводят к необходимости выделения понятия семантической (номинативной) сферы и теоретического описания ее структуры, свойств, образующих ее явлений посредством анализа соответствующих языковых фактов.

В данной статье при введении понятия семантической (номинативной) сферы используется преимущественно ономаσιологический подход: от смысла к форме, от реального мира к его отражению в знаке.

Я исхожу из предположения, что семантические сферы образуются явлениями, которые существуют в реальной действительности, но обладают разной восприимчивостью. Так, натуральная (физическая, природная) сфера обладает высокой внешней восприимчивостью, то есть образующие ее явления могут быть восприняты органами чувств или приборами. В наибольшей степени языковая семантика разработана по отношению как раз к этой сфере. Внутренняя (психоментальная) сфера вообще не может быть воспринята извне органами чувств и инструментально, однако наблюдаемы ее внешние проявления. Социальная сфера характеризуется специфической восприимчивостью. Любое явление социальной сферы включает в себя знак. Социальный знак (как и любой другой) характеризуется известной произвольностью восприятия со стороны адресата. Из этого следует, что социальная действительность не может одинаково восприниматься всеми людьми и даже всеми членами одного языкового или социального коллектива.

Одно из первых делений по семантическим сферам в отечественной лингвистике было предложено Н.Д. Арутюновой в книге «Предложение и его смысл» [Арутюнова, 1976, переиздание 2005]. Она предложила различать внешнюю, наблюдаемую, и внутреннюю, закрытую от наблюдения, сферы, которым соответствует деление событийных предикатов на ранги, или порядки [Арутюнова, 1976, с. 139–140]. Из исследования Н.Д. Арутюновой вытекает, что явления внутренней сферы (психической, эмоциональной) обозначаются в языке по модели внешней сферы (например, чувства уподобляются стихии).

По отношению к языковой модели ситуаций Т.В. Шмелева предложила деление на 4 сферы: физическую, психическую / эмоциональную, интеллектуальную и социальную [Шмелева, 1988, с. 14–15]. Каждой сфере приписаны 5 типов событий: существование, состояние, движение, действие и восприятие. Таким образом Т.В. Шмелевой удастся описать все многообразие событийных в ее терминологии пропозиций, характеризующих диктумный компонент семантики предложения. Позднее М.В. Всеволодова дополнила систему сфер применительно к пропозициональной семантике предложения еще двумя: физиологической и духовной [Всеволодова, 2000, с. 138–139].

Примером столь же дробной системы сфер (причем по отношению только к именам лиц) может послужить стратификация существительных конкретно-предметной семантики, предложенная М.Н. Янценецкой и Н.Б. Лебедевой [1991, с. 83]. Ими выделяются 4 слоя (сферы): физический, физиолого-психологический, ментально-речевой и социальный.

Особенно важно представление о семантических сферах в теории метафоры. Метафора предполагает такой семантический сдвиг, который сцепляет в одном языковом выражении не только две разные реалии, но и две разнородных области действительности.

По отношению к языковой метафоре Г.Н. Складневская [1993] выделяет следующие семантические сферы: «предмет»; «животное»; «человек»; «физический мир»; «психический мир»; «абстракция».

Распределение по сферам носит у Г.Н. Складневской характер «естественной классификации»: в разные сферы входят явления разных семантических классов, сферы пересекаются, не всегда логично выглядит отнесение тех или иных типов явлений действительности к той или иной сфере. Отмечу также, что часть сфер Г.Н. Складневская именует неотличимо от наименований семантических классов (сферы «предмет», «животное», «человек»).

В терминах языковой картины мира традиционно рассматриваются две семантические сферы – физический мир и мир человека. Поэтому Ю.Д. Апресян говорит о «наивной картине мира» («наивной» физике) [Апресян, 1986] и «наивной картине человека» («наивной» антропологии) [Апресян, 1995]. Применительно к миру человека можно говорить о «наивной анатомии» [Урысон, 1995; 1997а; 1997б; 1998], которая отличным от научной анатомии образом моделирует организацию тела человека: наряду с материальными органами (*сердце, мозг*) в языковой картине мира существуют и «невидимые», нематериальные органы, такие, как *душа, память, ум*.

Таким образом, все описанные нами классификации семантических сфер антропологичны: в них так или иначе выделяется внутренний мир человека.

Предлагаемая в настоящей статье классификация семантических сфер предполагает наличие двух пересекающихся делений: на семантические сферы-области (секторы), выделяемые на основании их наблюдаемости для постороннего, незаинтересованного субъекта, и на семантические сферы-слои (концентрические кольца или круги), определяемые по отношению образующих эти сферы явлений к человеку.

Первое деление представляют семантические сферы, взятые в отвлечении от внутренней связи с познающим и деятельным субъектом. Такой субъект-наблюдатель различает три сферы, которые можно назвать областями, потому что они соседствуют друг с другом, различаясь по объективным признакам. Деление по сферам-областям характерно для так называемой классической науки, в которой субъект познания отделен от объекта, является внешним по отношению к нему. Вот как описывает принцип соотношения субъекта и объекта познания в классической науке специалист по философии и методологии науки И.В. Черникова: «В классическом типе научной рациональности внимание сосредоточено на объекте. Все, что относится к субъекту и средствам деятельности, насколько это возможно, выносится за скобки» [Черникова, 2001, с. 105].

Первая из выделяемых сфер – **природная**, или **натуральная**, она включает натурфакты, артефакты, даже животных и лиц – вне их связи с познающим человеком и вне их воли по отношению к другим объектам, например, *камень, дом, планета*, – происходящие с ними наблюдаемые процессы (*упал, строят, мчится по орбите*), их состояния и свойства (*большой, красивый, населенная*).

Вторая – внутренняя сфера лица (или животного), недоступная для наблюдения органами чувств или с помощью приборов. Эта сфера в классификации Т.В. Шмелевой распадается на две сферы – психическую и интеллектуальную. Мне кажется, что нет необходимости выделять две сферы, потому что психические и ментальные процессы и феномены обладают общим свойством – ненаблюдаемостью.

Ненаблюдаемость феноменов **психоментальной сферы** подтверждается исследованиями метафоры. Так, Н.Д. Арутюнова объясняет наличие метафориче-

ского обозначения чувств в современном русском языке с привлечением слов и выражений, обозначающих природные явления «закрытостью» внутренней (психоментальной) сферы [Арутюнова, 2005, с. 93–111]. Г.Н. Складарская отмечает, что «сосредоточенные в этой сфере денотаты нематериальны, лишены чувственных признаков, а потому не могут служить источником метафорических преобразований. Эта сфера, напротив, притягивает к себе метафоры из предметного мира, демонстрируя потребность человеческой мысли населять духовный мир... привычными, обыденными, чувственно воспринимаемыми реалиями» [Складарская, 1993, с. 73–74]. По данным О.Н. Алешинской, психические явления являются семантической базой для формирования метафорического значения по отношению только к двум из пяти выделяемых ею семантических типов: физическим (ср., например, *каприз природы*, *причуда стихии*) и социальным (ср., например, *административный восторг*) явлениям, – в то время как наименования предметов, например, могут служить метафорическим обозначением явлений всех пяти типов [Алешинская, 2003, с. 19].

Третья сфера – **социальная**, которая включает социальные взаимодействия и отношения человека и находится в ведении «наивной» социологии, в отличие от столь же «наивных» антропологии и физики, ведающих внутренней жизнью, деятельностью человека и окружающим его природным миром. Социальную семантическую сферу в первом приближении можно определить как сферу межчеловеческих взаимодействий.

Без выделения специфической семантической сферы был описан семантический компонент 'социальная иерархия' в смысловой структуре предикатной лексики Л.П. Крысинским [1988, 1989а, 1989б], и материал этот включен в практику вузовского преподавания [Крысин, 1997]. Л.П. Крысин также ввел в русистику термин «социосемантика».

Л.П. Крысин описывает социальную семантику в терминах ограничений на употребление. Рассматривая некоторые синонимичные предикатные лексемы (например, *благоволить*, *дерзить* и *грубить*), Л.П. Крысин обнаружил, что в толкование слова *благоволить* необходимо ввести информацию о том, что субъект занимает более высокий социальный статус, чем адресат, а для слова *дерзить* это отношение будет противоположным [Там же, с. 271–280]. Аналогично требуется ввести информацию об иерархических отношениях в толкование некоторых слов, обозначающих симметричные ситуации, например, краткое прилагательное *похож* допускает употребление *Сын похож на отца*, но не *Отец похож на сына*, что говорит о социальном неравенстве объекта и эталона сравнения [Там же, с. 280–283].

Негласная или кодифицированная иерархия не является природным свойством социальных отношений и объектов. Она устанавливается в результате межчеловеческих взаимодействий: конвенций, договоренностей, негласных установлений, в семантике высказывания, актуально, реализуемых через категорию ожидания [Там же].

Именно специфика межчеловеческих взаимодействий и отношений определяет отличия языковой модели социальных явлений от языкового образа несоциальных объектов. Межчеловеческое взаимодействие в социальном аспекте есть коммуникация, которая имеет характер обмена знаками. Поэтому социальные объекты отличаются тем, что они всегда включают в себя знаковую составляющую, которая накладывается на «натуральное», «наблюдаемое» явление: процесс, состояние, предмет, лицо, свойство. Тем самым социальное явление приобретает двойственное существование. С одной стороны, в нем присутствует «натуральный», «физический», «наблюдаемый», «внешний» компонент, воспринимаемый как таковой органами чувств или приборами. С другой стороны, в социальном явлении обнаруживается означающее знакового компонента, восприятие которого есть восприятие знака, то есть означаемого, не совпадающего с означающим. Оз-

начаемое знакового компонента социального явления в восприятии накладывается на «натуральный» компонент, искажая его или полностью затмевая.

Рассмотрим, например, такое социальное действие, как пощечина. Ее физической составляющей является удар, который один человек наносит по щеке другого человека. Знаковая составляющая пощечины – осуждение неблагоприятного поступка («Ты совершил подлость») и оскорбление. Превалирование знаковой составляющей настолько велико, что интенсивность, сила пощечины не играет большой роли. Чтобы социальное действие «пощечина» состоялось, достаточно даже легкого шлепка ладонью по щеке. В этом отличие пощечины от удара, для которого параметр интенсивности существен.

Социальный смысл выражается с помощью разных свойств, атрибутов, действий, поведения. Механизм восприятия социального знака – ожидание [Крысин, 1997], заложенное в восприятии, являющееся презумпцией, предвосхищением того или иного поведенческого акта или внешнего вида лица или социального объекта. Профессиональные качества представителя власти или иного рода публичного деятеля оцениваются по его внешнему виду (росту, сложению, чертам лица, одежде) и по внешнему поведению (походке, манере публичной речи, мимике и жестикуляции, участию в светской жизни). Таким образом, социальная знаковость связана с понятием имиджа, например, политического. Понятно, что это не все составляющие политического имиджа: многие собственно политические или управляющие действия совершаются не как объектные, то есть приводящие к реальному результату, а как адресатные, знаковые, предназначенные для поддержания, улучшения или смены имиджа, см. [Михальская, 1996; Осетрова, 2004].

Еще один аспект знаковости социальных явлений связан с тем, что существует документ или негласное установление (конвенция, норма, обычай), по которому данное социальное явление опознается как социальное, а не природное. Так, директор имеет документ, удостоверяющий его личность и должность, есть приказ или иные документы, оформляющие его директором. Негласные установления действуют по другому типу, но в любом случае дополняют природный объект до социального.

Сферы-области оказываются вне антропологической специфики языка. Эта специфика проявляется в принципиально ином делении, существование которого постулировали Г.-Н. Кастаньедо [Castaneda, 1966; 1967; 1968] и Х. Ортега-и-Гассет [1996 (1957)]. Это деление возникает, если познающего, воспринимающего и мыслящего человека «поместить в центр мироздания».

Поскольку описываемые ниже сферы образуют нечто вроде концентрических окружностей с центром – человеком, то для различения их со сферами-областями будем называть их сферами-слоями.

Первый слой образуется самосознанием человека. Назовем его сферой самосознания, или **эго-сферой**.

Г.-Н. Кастаньедо, исследуя поведение местоимения *я* (англ. *I*) и его возможных замен (перифраз), пришел к выводу об особенностях представления о «я»: самосознание, самоопределение (self-consciousness, self-knowledge) индивида неразрывно связано с ним самим, поэтому оно не может быть объективировано, а значит, и понятие «I» «я» не может быть аналитичным, то есть сводимым к другим, более простым понятиям, оно является примитивным, исходным, и это создает запрет на свободную заменимость местоимения *я* на эквивалентные ему выражения [Castaneda, 1966, 1967, 1968]. Основным приемом доказательства этого положения – логический парадокс, который возникает в случае замены *я* на именное выражение. Суммируя разные рассуждения этого типа, встречающиеся в работах Г.-Н. Кастаньеды и его последователей, этот парадокс может быть представлен в виде ситуации с амнезией. Например, некое лицо, именуемое X, потеряло память и забыло, что оно X. В этом случае, зная, что X участвовал в событии P, это

лицо может сказать, что *X участвовал в Р*. При этом данное лицо не может сказать: *Я участвовал в Р*. Более того, неравноценны эти предложения даже в том случае, если данное лицо знает, что оно и есть *X*, потому что употребление *я* предполагает прямое наименование субъекта самосознания, его наименование себя как субъекта точки зрения.

Проблема аналитичности / неаналитичности *я* рассматривается в работах [Anscombe, 1975; Perry, 1977; Lewis, 1979]. Популяризатором идей Кастаньеды в этой области выступает Э. Сааринен [1986, 1988].

Дж. Перри обсуждает идею Г.-Н. Кастаньеды в отношении к теории референции Г. Фреге [Фреге, 1977]. Рассматривая предикат мнения / веры (*to believe*), Дж. Перри показывает, что *self-location* (аналог *self-consciousness* Г.-Н. Кастаньеды) не вписывается в фрегевскую интерпретацию контекстов с этим предикатом [Perry, 1977].

Д. Льюис [Lewis, 1981], опираясь на работы Г.-Н. Кастаньеды и Дж. Перри, утверждает особое положение субъекта пропозициональной установки по отношению к другим лицам, населяющим порождаемый им возможный мир. Он вводит понятие *self-ascription of properties* 'приписывание себе свойств' и противопоставляет его пропозиции как последовательности слов, которая может быть оценена с позиций истинности / ложности. Первое он определяет как «отношение *de se*», а вторую – как «отношение *de dicto*» и утверждает, что эти два отношения предполагают два разных типа логики. В этом случае логические построения Г.-Н. Кастаньеды связаны с логикой «знания *de se*».

Таким образом, самосознание человека выделяет в мире особую сферу, **эго-сферу**, или сферу самосознания, которая оценивается как то, что не поддается наименованию, является неразложимым на элементы, целостно и противопоставлено прочему миру, который может быть разложен на элементы и описан как комбинация элементарных смыслов.

Вторая сфера-слой образуется реалиями, к которым он испытывает внутреннюю близость.

В одной из своих лекций о сущности человека и социума Х. Ортега-и-Гассет следующим образом сформулировал взаимоотношения человека и мира: «В мир вещей мы никак не вторгаемся; и этот мир, и все, что в нем, существует само по себе (подчеркнуто автором. – *И.К.*). Напротив, в мире дел и ценностей все состоит исключительно в его отношении с нами, все вторгается в нас, то есть все для нас важно и существует лишь в той форме, в какой оно значимо для нас и нас затрагивает» [Ортега-и-Гассет, 1996, с. 148]. Различая мир **вещей** и мир **дел и значимостей**, Х. Ортега-и-Гассет показал и различие, существенное для языковой модели мира: наличие особого отношения человека к явлению той или иной сферы-области, которое он назвал значимостью, формирует круг явлений, включенных в слой, внутренне близкий человеку. Назовем эту сферу-слой, вслед за Ю.Д. Апресяном [1986], **личной сферой**. А отношение, названное Х. Ортегой-и-Гассетом значимостью, или ценностью, можно определить как сопричастность.

Представление о личной сфере человека, в которой объекты внешнего по отношению к человеку мира обретают особое существование из-за устанавливаемой человеком связи с ними, то есть, по сути, мыслятся как «объект + человек», коррелирует с антропным принципом постнеклассической науки, который является в настоящее время ведущим в естественнонаучном знании. Суть его выразил Б. Картер: «...то, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей... Вселенная должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей» (цит. по [Черникова, 2001, с. 123–124]). Антропный принцип фиксирует взаимосвязь познающего субъекта и наблюдаемого объекта.

Сопричастность может распространяться на любые явления действительности, но само это отношение актуализируется в какой-либо деятельности человека,

например, социальной. Так, сердечное участие в ком-либо служит знаком включения человека в личную сферу субъекта этого участия, но само участие должно проявляться в действиях, например, в помощи, в выражении сочувствия, в содействии. Такая деятельность может быть и психоментальной. Допустим, человек может сопереживать другому человеку, но не показывать этого. Таким образом, объект отношения, сигнализирующего включенность в личную сферу, как правило, внешний по отношению к субъекту отношения, но выразитель отношения может быть внешним (социальным действием) или внутренним (психоментальной деятельностью). К личной сфере, тем самым, относятся и объекты, и выразители отношения.

Эго-сфере и личной сфере человека противопоставлена оставшаяся часть референтного мира человека, которая находится за пределами его я и его привязанностей-сопричастностей.

Таким образом, второе деление референтного мира языка на семантические сферы формируется отношениями самосознания и сопричастности названного или неназванного языковым выражением субъекта к явлениям трех сфер-областей. Сфер-слоев тоже три:

- 1) эго-сфера, или сфера самосознания человека;
- 2) личная сфера, включающая в себя эго-сферу и слой явлений действительности, ограничиваемый наличием сопричастности субъекта, последний будем именовать сферой сопричастности;
- 3) «вещный» мир человека, включающий в себя эго-сферу и личную сферу, а также остальные явления действительности.

Итак, можно говорить о двух независимых делениях на семантические сферы: деление на сферы-области, основанное на принципе наблюдаемости реалий, и деление на сферы-слои, в основе которого находится отношение к личности человека, субъекта самосознания и лица, испытывающего привязанности к реалиям вещного мира.

Литература

- Алешина О.Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2003.
- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, 1986. Вып. 28. С. 5–33.
- Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 37–67.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 2005.
- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной модели языка. М., 2000.
- Крысин Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988. С. 124–143.
- Крысин Л.П. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. М., 1989а. Вып. 28.
- Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989б.
- Крысин Л.П. Социосемантика // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений. 3-е изд. М., 1997. С. 270–285.

- Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.
- Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Человек: Образ и сущность (гуманитарные аспекты): Толерантность и архитектура эмоций. М., 1996. С. 108–184. (Ortega y Gasset J. El hombre y la gente. Madrid, 1957. Т. 1.).
- Осетрова Е.В. Речевой имидж: Учеб. пособие. Красноярск, 2004.
- Сааринен Е. Хинтика, Кастаньеда и Куайн о «квантификации В»: некоторые основополагающие проблемы в интенциональной логике // Исследования по неклассическим логикам. М., 1989. С. 184–203.
- Сааринен Э. О метатеории и методологии семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. С. 121–138.
- Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и «наивная анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 3–36.
- Урысон Е.В. Архаичные представления в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997а.
- Урысон Е.В. Фрагмент русской языковой модели восприятия (слово «взгляд») // Труды Международного семинара «Диалог'97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям». Ясная Поляна, 10–15.06.1997. М., 1997б. С. 278–282.
- Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. № 8. С. 181–210.
- Черникова И.В. Философия и история науки: Учеб. пособие. Томск, 2001.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988.
- Янценецкая М.Н., Лебедева Н.Б. Лексическое значение и семантические категории языка // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск, 1991. С. 56–93.
- Anscombe G.E.M. The first person // Mind and language. Oxford, 1975. P. 71–77.
- Castaneda H.-N. Study in the logic of self-consciousness // Ratio, 1966. Vol. 8. P. 130–157.
- Castaneda H.-N. Indicators and quasi-indicators // American philosophical quarterly. 1967. Vol. 4. № 2. P. 85–100.
- Castaneda H.-N. On the logic of attributions of self-knowledge to others // The journal of philosophy. 1968. Vol. 65.
- Lewis D. Attitudes de dicto and de se // Philosophical review. 1979. Vol. 88. № 4. P. 513–543.
- Perry J. Frege on demonstratives // Philosophical review. 1977. Vol. 86. P. 474–497.